Панси не особенно красива, и зеркало услужливо напоминает ей об этом каждое утро. Узкие губы, выпуклые глаза и приплюснутый нос со вздёрнутым кончиком придают ей сходство с мопсом. Но не будь она чёртова Панси Паркинсон, если за полчаса не превратит себя в красотку!

Панси умелым движением подводит глаза, выделяет скулы, губы красит тёмной, почти чёрной помадой. И вот уже перед нами не девочка-мопс, а роковая женщина, слизеринская стерва номер один.

Панси мечтает о любви, такой, чтобы до звёзд в глазах и бабочек в животе. До четвёртого курса она думала, что такая любовь у неё будет с Драко, пока на Святочном Балу не увидела этот взгляд побитого книззла, тайком брошенный на лохматого Поттера. Тогда Драко признался Панси, что он — гей, и они поклялись, что бы ни случилось, остаться лучшими друзьями на всю жизнь. Это для всех остальных Драко невыносимый, высокомерный засранец, а для неё — ласковый, капризный котёнок, который боится своих ночных кошмаров, обожает сладкое, и всё страдает, страдает по своему недоступному Поттеру.

Панси мечтает о поцелуях. Ей кажется, что это так невыносимо прекрасно, сладко и нежно, пока на шестом курсе её не зажимает в коридоре слизеринского подземелья старшекурсник Грэхэм Монтегю и не засовывает свой язык ей почти до самого горла. Панси в шоке не столько от его внезапного нападения, сколько от того, какими, оказывается, могут быть поцелуи. Монтегю практически трахает её языком в рот, и это так отвратительно, и так не похоже на то, о чём мечталось!

Через несколько мучительных мгновений Грэхэм потрясённо отстраняется и выдыхает:

— Детка, вау, ты — девственница? Это твой первый поцелуй, да? Пойдём со мной, я сделаю тебе так хорошо…

— Отпусти! — шепчет Панси и пытается оттолкнуть Монтегю, но капитан слизеринской сборной по квиддичу в разы сильнее её, и снова врывается языком в её рот.

— Она сказала: «Отпусти!», ты — глухой?

Заклинание отшвыривает Монтегю к противоположной стене.

— Ещё раз подойдёшь к ней — и снова окажешься в Исчезательном шкафу, как в прошлом году! — лицо Малфоя ещё бледнее обычного от гнева. — Ты как, Панс?

Драко провожает Панси до заброшенного туалета, где никто не потревожит их, и там терпеливо ждёт, пока она долго полощет рот и горло, пытаясь избавиться от слюней Монтегю.

Однако, в тот день Панси понимает, что теперь ей известно кое-что о технике поцелуев, и она

решает найти того, с кем ей понравится целоваться.

*****

Седьмой курс… Губы Захарии Смита на вкус напоминают мыло, да и сам он — отвратительный и скользкий, как мыло, ублюдок.

Восьмой курс, после битвы за Хогвартс… Рейвенкловец Терри Бут — умный, симпатичный и перспективный молодой волшебник. Он, как истинный представитель своего факультета, всё делает на «Превосходно»: сдаёт экзамен по зельеварению, сражается с тёмными силами, целуется с Панси Паркинсон. Нет, это нисколько не противно, только вот Панси не чувствует ничего, совсем ничего. Никаких бабочек.

Драко возвращается в гостиную Слизерина после отбоя, когда все остальные уже спят, плюхается рядом с Панси на зелёный диван и прижимает пальцы к губам. Его глаза сияют, как две грёбаные звезды, и сам он не здесь, а всё ещё где-то там, в тёмном коридоре, со своим Поттером — Мальчиком-Который-Выжил-И ответил-На чувства-Драко.

Панси рассеянно поглаживает его по взмокшим белым волосам. Хоть кто-то из них счастлив!

*****

В одну из одиноких холодных (да что ж у них так холодно-то в слизеринских подземельях!) ночей Панси тихонько всхлипывает под одеялом, когда к ней заползает Миллисент. Милли большая и тёплая, она прижимается к Панси своей необъятной, мягкой грудью и ласково целует в лоб, виски, щёки. Неожиданно они начинают целоваться по-настоящему, жарко и исступлённо. Целоваться с Милли — сладко и так невыносимо прекрасно, что невозможно остановиться.

Эти поцелуи становятся их упоительной тайной. Панси мечтает о них весь день, блуждая взглядом по сторонам, а ночью, когда Дафна и Салли-Энн засыпают, они с Милли вновь захлёбываются друг другом.

Драко мог бы заметить, что с Панси что-то происходит, но он сам так зациклен на своём Поттере, что ничего и никого вокруг не замечает. Мимо мог бы проскакать гиппогриф, сова могла бы нагадить ему в тарелку с кашей — он бы не заметил ничего, когда смотрит на Поттера во время завтрака в Большом Зале.

Панси и Милли становятся почти неразлучными подругами, и теперь ей, а не Драко она рассказывает о том, как мечтает найти свою любовь. Взгляд Милли при этом тускнеет, но Панси так воодушевлена своей мечтой, что попросту не видит этого. Теперь ей легче дышится и мечтается, ведь ночью её согревает Милли.

*****

Дышится Панси легко до той роковой вечеринки, на которую в целях укрепления межфакультетского сотрудничества их приглашают проклятые гриффиндорцы. Панси подозревает, что это — идея Поттера, который хочет поддержать факультет своего любимого. На этой вечеринке Панси видит Невилла, и ей кажется, что она видит его в первый раз.

Очевидно, так оно и есть, ведь этот высокий, мускулистый, загорелый, подтянутый, с очаровательными ямочками на щеках юный красавец никак не может быть тем неуклюжим, пухлым неудачником, которого помнит Панси?!

Невилл-Победитель змеи Волдеморта-Лонгботтом. Невилл-Посмотрите, что из меня выросло-Лонгботтом.

После того, как сливочное пиво сменяется огневиски, гриффиндорцы затевают игру в бутылочку. Все хохочут и подкалывают друг друга. Симус взасос целует Блейза, и все свистят и улюлюкают. Рону Уизли всегда достаётся Грейнджер, и Панси подозревает, что ревнивая заучка исподтишка применяет невербальную магию. Лавгуд задумчиво исследует губы Грегори Гойла и объявляет, что они на вкус, как патока грюмошмеля.

Лицо Драко мертвеет, когда бутылочка, раскрученная Поттером, указывает на мелкую Джинни Уизли. Но Джинни звонко чмокает Гарри, как любимого братишку, и возвращается на своё место рядом с Дином Томасом. Драко снова дышит.

Когда очередь доходит до Панси, горлышко бутылочки указывает на Невилла. Когда его губы касаются её, мир исчезает. Невилл тоже, кажется, заворожён этим поцелуем, потому что не отстраняется, пока вокруг не раздаются возмущённые крики:

— Эй, хватит уже! Сколько можно?!

Невилл потрясённо смотрит на Панси. Через полчаса Панси ловит себя на том, что уже началась новая игра, а она всё ещё прижимает пальцы к губам, словно надеясь удержать в себе поцелуй.

Этой ночью Милли не приходит к ней, но Панси этого даже не замечает. Ей больше не холодно. С этого дня она не может перестать украдкой смотреть на Невилла: в Большом Зале, когда он, забавно наморщив лоб, читает «Новости гербологии», в теплице, когда он, закусив от усердия губу, осторожно пересаживает кусачие маргаритки, в коридоре, когда он смеётся над какой-то идиотской шуткой рыжего Уизли.

На следующую вечеринку Невилл приносит Мимбулус Мимблетонию и предлагает сыграть в Мимбулус-Рулетку. Все садятся вокруг кактуса и по очереди тыкают в него палочками. Периодически Мимбулус плюётся в счастливчика смердящим соком, и тот, в качестве компенсации за общий дружный смех, может велеть любому из присутствующих исполнить его

желание. Учитывая, что смердящий сок блокирует у обрызганного чувство страха, желания оказываются смелыми и уж точно не скучными!

Когда Панси аккуратно тычет в Мимбулус палочкой, проклятый кактус выстреливает в неё недельным запасом смердящего сока, обрызгав её с ног до головы. Глядя прямо в глаза Невиллу, она снимает мокрую футболку, вызвав восхищённый свист однокурсников, и говорит:

— Пять минут наедине с тобой, Лонгботтом!

— О-о-о! — хором тянут все, и Невилл послушно идёт за Панси под бурные аплодисменты.

В этот раз, без раздражающих зрителей, их поцелуи жарче и неистовее, чем тот, первый. Это не так, как с Милли: сладко, по-девчачьи нежно; это так, что подгибаются ноги, так, что кажется, будто нет ни времени, ни пространства, и если Драко именно это испытывает, целуя Поттера, стоит ли удивляться, что у него всё время этот блаженный вид?

Невилл не очень силён в технике поцелуев, но Панси за эти годы отточила своё мастерство так, что они оба задыхаются и задушенно стонут, вцепившись друг в друга. Впервые Панси отчётливо понимает, что хочет большего.

— В спальню? — спрашивает она совершенно ошеломлённого Невилла. — Все на вечеринке, нам никто не помешает!

Он снова послушно, как привязанный, идёт за ней, но в спальне Панси вдруг охватывает нерешительность, ведь она никогда не заходила дальше поцелуев и девчачьих ласк с Милли.

— Будь осторожен, Лонгботтом, — шепчет она, — это тебе не змею мечом рубить! У меня ещё не было парня.

Невилл отпрыгивает от неё, как ужаленный ядовитой тентакулой.

— Панси, нет, — бормочет он, — я думал, ты… Я сам ещё не… Ты не заслуживаешь такого первого раза. Это должен быть кто-то, кто любит тебя, и кого любишь ты!

«Я люблю тебя!» — именно эти слова готовы сорваться с губ Панси, но вместо этого она кривит их в фирменной слизеринской ухмылке и насмешливо цедит:

— Так наш победитель змей — маленький девственник? Вали отсюда, Лонгботтом, не трать моё время! И не смей никогда подходить ко мне! И смотреть тоже не смей! — говорит она, натягивая мокрую футболку.

*****

.

http://erolate.com/book/4401/158574